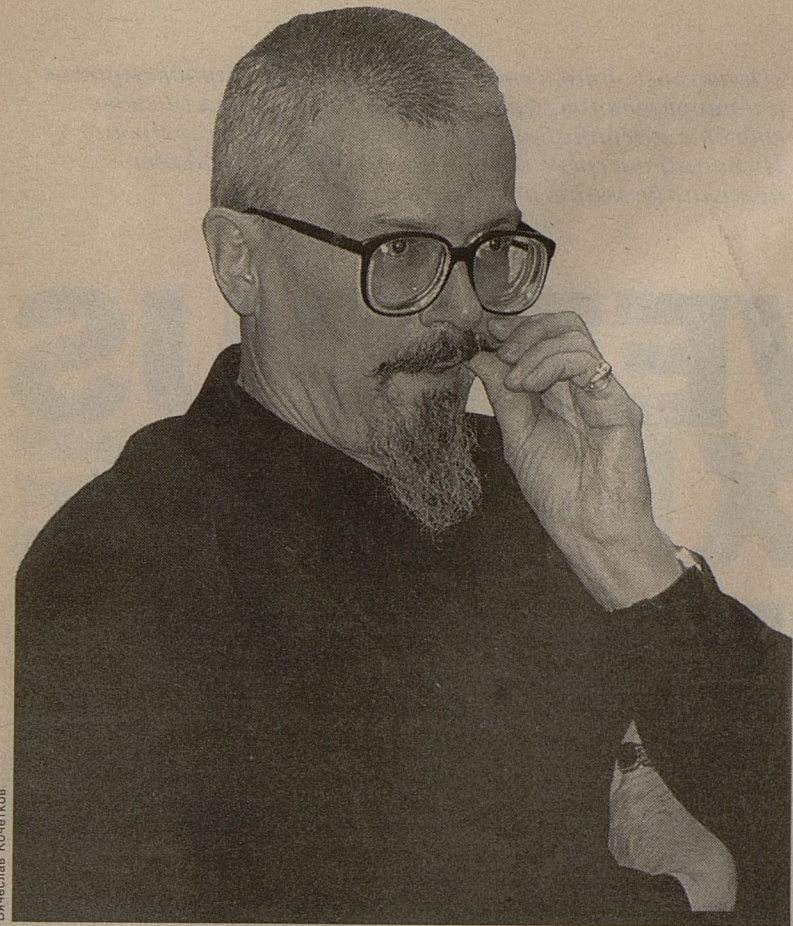

Вячеслав Кочетков

«Писательская слава меня уже не волнует. Мой литературный талант получил мировое признание. Теперь мне хочется, чтобы был признан и мой политический дар»

Проведя два года в Лефортове и месяц на зоне,

Эдуард Лимонов

так и не встал на путь исправления

ПОДРОСТОК САВЕНКО 60 ЛЕТ

мск. новости - 2003 - 22 сеп - с 19

Но, отсидев в сталинских лагерях, он не «поднялся» настолько, чтобы, выйдя оттуда, сделаться сталинистом и певцом советского режима.

— Солженицын для меня не пример. Он заблуждался в 60-е годы и продолжает заблуждаться сейчас. У меня с ним глубокие расхождения. Его русопаство мне не подходит.

— С кем из русских писателей вы себя соотносите?

— Пожалуй, с Иосифом Бродским. В свое время я с ним соперничал. Хотя между нами ничего общего. Единственное, что у нас было общее, это среда, которая нас породила. Среда советской контркультуры конца 60-х — начала 70-х годов. Из нее вышел и Венедикт Ерофеев, хотя ему удалось сделать меньше, чем мне. Если всерьез говорить, он автор всего одной повести — «Москва — Петушки». Мой же вклад в русскую литературу куда значительнее.

— Вы сегодня поддерживаете отношения с кем-либо из наших литераторов?

— Нет. Хотя я хорошо знаком с Андреем Битовым, Виктором Ерофеевым. Это глупо — дружить с собратями по цеху. Надо дружить с нормальными людьми. Моя среда обитания — партийцы, члены НБП.

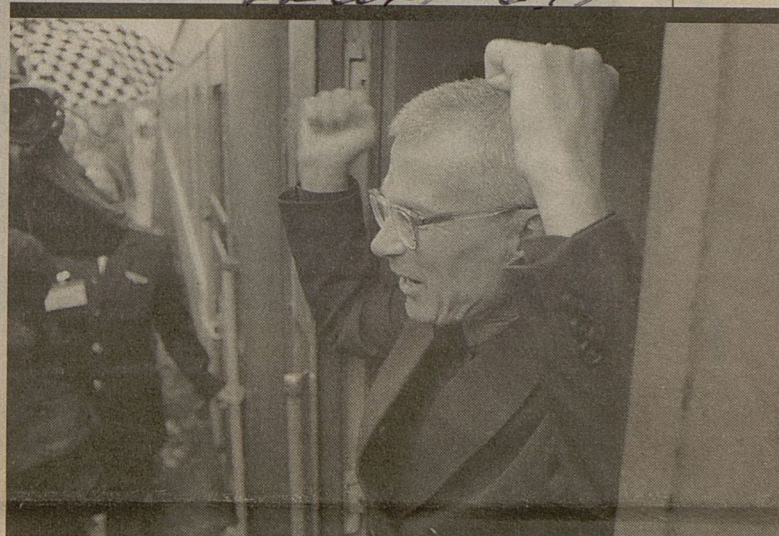
— Отечественная интеллигенция — вообще не ваша среда?

— Российская интеллигенция находится там же, где находилась всегда, — у сапога власти. Я ненавижу старую советскую культуру, всех этих народных артистов, преобладание юмористов, всяких Жванецких, всю эту одесскую самодеятельность...

— Брутальность вашей прозы, ее язык с обилием ненормативной лексики, натуралистическое описание — употреблено ваше слово — совокуплений — все это не вписывается в советскую культуру. Но и других читателей, кроме тех, кто воспитан на этой культуре, в России

ДОСЬЕ "МН"

Эдуард Лимонов (Савенко) родился 22 февраля 1943 года в городе Дзержинске Горьковской области. Молодые годы провел в Харькове, затем переехал в Москву, где вошел в круг столичного литературного андеграунда. В 1968 году начал писать короткие авангардистские рассказы. Выпустил 5 самиздатовских сборников стихов. Весной 1974-го был выдворен из СССР. Затем жил в Нью-Йорке. В 1976 году написал свой знаменитый роман «Это я — Эдичка», переведенный на 15 языков. В 1987-м стал гражданином Франции. В 1992 году восстановил российское гражданство. Осенью 1994-го приступил к созданию НБП. 7 апреля 2001 года был задержан сотрудниками ФСБ в селе Банное Алтайского края. В мае 2003-го был осужден за незаконное хранение и приобретение оружия на четыре года в колонии общего режима. Через месяц получил условно-досрочное освобождение.

ИТАР-ТАСС

С возвращением

негусто. А вам хочется всеобщего поклонения. Разве не так?

— Я достаточно признан и в России, и в мире. К тому же не все мои книги полны матерных слов. У меня есть три тома рассказов, свободных или почти свободных от этого. Просто когда-то я первым в СССР начал писать на языке, который был в массовом обиходе. Не на языке советской литературы, условном и жеманном, и не на языке диссидентском, а на языке улицы.

— Как сказало тюремное заточение на ваших литературных делах? Книги, написанные на нарах, надо думать, шли на расхват.

— Все гонорары потрачены на процесс. Было много свидетелей. Приходилось покупать им билеты, оплачивать гостиницу... Поэтому не могу сказать, что я хорошо заработал. Скорее, издатели заработали на мне. Сидя в тюрьме, я продал издательству «Амфора» 14 наименований своих произведений. Оно покупало их по дешевке, зная, что деваться мне некуда и я соглашусь на любые условия. А вот издательство «Ad Marginem», с которым я через своего адвоката тоже заключал договоры, вело себя достойно.

— На днях весь мир отмечал вторую годовщину событий, случившихся в Нью-Йорке 11 сентября. Сообщение об атаке на здание Всемирного торгового центра застало вас в Лефортове. И оно — вы не постеснялись это написать — привело вас в ликование. Чему вы радовались?

— Ну, радовался не я один. Палестинцы танцевали на улицах.

— И вы мысленно танцевали вместе с ними...

— Да. Потому что считаю: Америка — это современный вариант гитлеровской Германии. Американцы воюют против всех. Они бомбили Сербию, не находясь с ней в состоянии войны... Они бомбили Ирак... Они ставят себя выше закона — божеского и международного. И думают в своей протестантской заносчивости, что только они несут миру правду. Это страна насилия, диктующая всем свою волю. Она заслужила наказание.

— С вами в одной камере сидел Аслан Алхазуров, а в соседней —

Салман Радуев. Вы пишете о них с сочувствием. Чем они его заслужили в ваших глазах?

— Тем, как вели себя в тюрьме, где все равны, где нет ни эллина, ни иудея. Эти люди держались спокойно, с достоинством. И очень дружелюбно по отношению к русским сокамерникам. Но я больше болею за наших ребят, которые бесполезно гибнут в Чечне. Каких бы убеждений я ни был, я все-таки здравомыслящий человек и понимаю: эта война бессмысленна.

— Что самое главное для себя вы открыли в тюремной неволе?

— Я еще раз убедился в варварстве нашей страны, живущей по адату. Шариат — это то, что принес пророк Мохаммед. Адат же — это обычаи предков, вековые традиции. Так вот, Россия живет по адату. Она никогда не жила по социализму и сейчас не живет по капитализму. Ее обычай — палачество. Ее идеология — дедовщина.

— Известие о кончине вашей бывшей жены Натальи Медведевой, по-своему тоже знаменитой, застало вас в тюрьме...

— Это было 4 февраля. Утром, примерно в шесть пятнадцать, собираясь на суд, я увидел ее по телевизору. Включил на небольшую громкость звук — до этого не включал, не хотел будить сокамерников — и услышал: «...умерла в ночь со второго на третье февраля». Через пять минут меня забрали на процесс... Ну что сказать? Мы прожили вместе двенадцать лет. Она была безумно талантливая женщина. И как певица, и как — в меньшей, конечно, степени — писатель. Я был уверен, что она переживет меня лет на двадцать. И в то же время меня не оставляло стойкое предчувствие, что она погибнет. Она была слеплена из того же теста, что и все пропащие женщины типа Мэрилин Монро. Жаль...

— Вы были на ее могиле?

— Она похоронена в Питере. Я приезжал туда летом, но могилы ее не искал. Да, думаю, и не нашел бы.

— Вы что-то сейчас пишете?

— Нет, я в тюрьме хорошо потрудился — восемь книг написал. Можно сделать и предыдущую.

Валерий ВЫЖУТОВИЧ

Выйдя из заключения, Лимонов восстановил прежний свой облик. И снова стал похож на Троцкого. Борода клинышком, остроконечные усы вразлет. Еще бы вместо очков пенсне — и сходство вождя российских нацболов с одним из вождей пролетарской революции было бы полным.

Он назначил мне встречу в Бункере — так нацболы называют подвал на 2-й Фрунзенской улице, где у них штаб-квартира. Лимонова сопровождал его охранник. От входной, нещадно прокуренной комнаты, украшенной нацболовской атрибутикой, мы двинулись подвальным лабиринтом. Прошли сумрачным коридором вдоль растянутого во всю его длину кумачового полотнища с надписью «За наших стариков отрежем уши» и расположились в зале, похожем на помещение сельского клуба. Две черные двадцатикилограммовые гири у стены.

— Продолжаете поддерживать себя в спортивной форме? В Лефортове, я читал, вы совершали за день по 375 отжиманий.

— Я там дошел до 500. Потом перестал отжиматься, потому что похудел, даже щеки ввалились. Еще я бегал. На прогулке целый час бегал по кругу. В Саратовском центре были просторные дворы... Сейчас тоже иногда совершаю пробежки, делаю отжимания.

— После всех ваших злоключений у вас не пропала охота заниматься политикой?

— Нет. Напротив, я только укрепился в своих убеждениях. Прибавилось желания улучшить положение заключенных. Это огромный народ, лишенный внимания политиков. Если внимание и проявляется, то только в призывах к смертной казни, увеличению сроков. А Уголовный кодекс и без того жесток. При советской власти не было таких сроков. Тогда срок свыше пяти лет уже считался достаточно суровым, а теперь... При мне в Саратовском центре людям давали по 17 лет, по 22 года — вы представляете?! У нас содержится в тюрьмах более миллиона человек. И никакого сострадания к ним со стороны государства. Наоборот, только дикая ненависть к этой категории людей. Наши политики, особенно перед выборами, начинают вопить об ужесточении наказаний. Мерзавцы! Их бы посадить хотя бы на год каждого, да даже и на месяц... Они бы прошли через те методы дознания, которые там применяются, — через побои, пытки... Правда, меня не пытали. Возможно, потому, что я известный человек.

— Вы сейчас ощущаете на себе внимание наших спецслужб?

— Постоянного наружного наблюдения я пока не замечал. Но, полагаю, пасут. Что телефоны прослушиваются — это стопроцентно. И то, что нас не гонят из этого помещения, тоже показатель. Мы создали бы для ФСБ большие неудобства, если бы рассеялись по городу. Пока мы сосредоточены в нашем Бункере, за нами легче присматривать. Кроме того, как условно-досрочно освобожденный я обязан раз в месяц ходить в милицию отмечаться. А если намерен выехать из Москвы, то должен об этом уведомить.

Например, летом я поехал в Харьков, где живут мои родители. Но меня туда не пустили. Остановили на границе и задержали на несколько суток. Оказывается, существует распоряжение украинских властей, по которому мне запрещен въезд на Украину. Вдобавок мне еще в паспорт поставили штамп о запрещении въезжать сюда в течение пяти лет. Тяжелобольного отца я так и не увидел. А мою маму наши ребята привезли на машине в Белгород. Там в гостинице мы попидались, разговаривали часа четыре, потом ее увезли обратно.

— Послушайте, зачем вам это все? Это революционное подполье, эти дикие выходы ваших пацанов... Вам мало писательской славы?

— Зачем мне это? Вопрос, на который невозможно ответить. И бессмысленно его задавать. Этот вопрос затрагивает гены, какие-то молекулы ДНК. Невозможно ответить, что тебя заставляет делать то-то и то-то. Васко да Гама отправляется в путешествие, а кто-то сидит в португальском порту, и ничего ему не надо. Есть люди, которых Лев Гумилев называл пассионарными личностями. Очевидно, пассионарность и заставляет меня делать то, что я делаю. А писательская слава меня уже не волнует. Мой литературный талант получил мировое признание. Теперь мне хочется, чтобы был признан и мой политический дар.

— А мне вот кажется, что НБП для вас — проект скорее культурный, эстетический, чем политический. Вы просто мистифицируете власть и дразните ее. А она покупается на эту обманку и тупо числит вас политическим экстремистом.

— Вы знаете, все великие европейские революционные движения были культурными проектами. У большевиков вначале ведь тоже имела своя эстетика. Великий Татлин к первой годовщине революции выкрасил деревья на Красной площади в красный цвет. У Муссолини тоже была своя культурная подкладка. Каждая крупная политическая партия — идущая от масс, а не кабинетная эта сволота, сборище чиновников тупорылых, — каждая такая партия имеет свою эстетику. Недаром Пикассо был членом коммунистической партии, недаром туда же вступали сюрреалисты, недаром Хлебников писал: «Странная ломка миров живописных была предвестием свободы и освобождением от цепей». Он имел в виду, что футуризм и кубизм, эта «странная ломка миров живописных», были связаны с революцией в сознании и с революцией политической.

— Откуда у вас тяга к большевизму? Уж вас-то большевики не жаловали. В СССР ваши произведения не печатались, в конце концов вас просто выдворили из страны...

— Мои сегодняшние убеждения не имеют отношения к моей личной судьбе. Личная судьба может сложиться так или сяк, а судьба политическая — другое дело. Я же не обыватель, который свои неудачи проецирует на историю страны. Ну не могу я всю жизнь обижаться на то, что сидел в тюрьме. Я способен подняться выше этого.

— Солженицын тоже не обыватель.